

ДЕТЕКТИВ

Татяна **УСТИНОВА**
Евгения **МИХАЙЛОВА**
Галина **РОМАНОВА**
и другие :-)

ПИКНИК

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова
Детектив-пикник

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Детектив-пикник / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-113077-0

Что может быть приятнее жарким летом, чем покинуть раскаленный город и отправиться на природу? Загадочный лес, уютный берег реки или озера, бескрайние поля и луга – их неброская красота очаровывает и заставляет возвращаться туда снова и снова. Но иногда спокойный отдых оборачивается захватывающими дух приключениями, как это происходит в остросюжетных рассказах Татьяны Устиновой, Евгении Михайловой, Галины Романовой и других известных авторов!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113077-0

© Устинова Т. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Татьяна Устинова	6
Марина Крамер	9
Анна и Сергей Литвиновы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Детектив-пикник

Сборник рассказов

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Татьяна Устинова

Свиданье с Богом у огня

Дети маленькие, и, главное, по-разному маленькие. Одному нужен велосипед, кроссовки и игровая приставка, а второму – памперсы, набор погремушек и прогулочная коляска вместо люльки. На работу два часа в одну сторону, машина старая совсем и в пробке перегревается, из нее начинает валить пар, и приходится вылезать и толкать ее к обочине, чтобы все остальные страдалцы вроде нас все же могли как-то ехать на работу.

И время от времени нам начинало казаться, что все наши друзья и приятели, уже сделавшие какие-никакие карьеры и гораздо раньше родившие детей, которые уже подросли и не слишком обременяли собой родителей, живут как-то проще, веселее, интереснее, свободней!..

На самом деле довольно трудно семь раз подряд объяснить семи приятельницам, что зимние каникулы я провела, катая по участку в Кратове коляску с младенцем, а не катаясь в Австрии на горных лыжах с инструктором.

Ну и так далее.

А очень хотелось, чтоб было... красиво и свободно, хотя бы иногда, хотя бы разочек, но чтобы было!..

Очень вредно не ездить на бал, особенно когда ты этого заслуживаешь!..

И вот однажды на бал нас пригласили.

Ребята, это было такое событие!.. Как раз кто-то из тех приятелей, что уже давно и прочно сделали карьеры, устраивал «летний праздник». Я понятия не имела, что это такое, и мне объяснили.

Это когда снимают какой-нибудь дом отдыха или клуб на Клязьме или Истре и там предаются разным приятным развлечениям: катанию на лодочках, играм на свежем воздухе, милой болтовне и поеданию шашлыка или чего там?..

И мне очень туда хотелось!.. Я так и представляла себе полосатые шезлонги, теплые доски пирса, на которых можно сидеть, свесив ноги в воду, запах шашлыка, красоту летнего вечера, умные разговоры, красивых людей, играющих за высокой сеткой в теннис или бадминтон. У меня воображение-то будь здоров, вот я и навоображала.

Сейчас я не вспомню, почему Женя, мой муж, не смог поехать. Или не захотел. Но не поехал.

Если тебе так уж неважно, сказал мой муж, давай я попрошу кого-нибудь, и тебя захватят. В речной клуб на Истре или Клязьме, где красиво предаются летним увеселениям, просто так, на электричке, не доедешь, а машину я никогда не водила.

В общем, он попросил, и меня «захватили».

Да, перед праздником я, как гимназистка перед балом с юнкерами, несколько дней придумывала, во что бы такое мне нарядиться. И выбор был невелик, и я понятия не имела, что следует надевать «на летний праздник за городом». Широкополую шляпу из итальянской соломки и льняной сарафанчик?.. Тонкие джинсы, белую рубашу и бейсболку козырьком назад?.. Платье в горошек и беленькие босоножки (см. кинофильм «Красотка», эпизод с игрой в поло)! У меня ничего этого не было, зато был безразмерный спортивный костюм и кроссовки, когда-то довольно белые и довольно кокетливые.

Н-да.

В общем, меня «захватили» на праздник, где я почти никого не знала, а меня-то уж не знал совсем никто, и я там полдня слонялась между полосатыми шезлонгами, шашлычниками, нарядными дамами в платьях в горошек и шляпах из итальянской соломки.

Все дамы как раз были между собой знакомы, рады друг друга видеть и мило щебетали про свою прекрасную и недоступную моему пониманию жизнь. Как покатались в Австрии и куда нынче планируют выехать «на солнышко». Что именно купили в Милане и как теперь придется лететь в Нью-Йорк за тем, что недокупили.

Со мной никто не разговаривал, и я ни с кем не разговаривала – не о чем.

Зато я посидела на теплых досках пирса – часа четыре сидела! – тоскливо думая, как там все без меня дома. Должно быть, уже сестра приехала, и самовар ставят, утром мама собралась пирог печь, красота.

Короче говоря, когда пришло время уезжать, выяснилось, что меня... забыли. Тот самый приятель, которого Женька попросил меня «захватить», давно уехал, просить каких-то других приятелей подвезти хотя бы до Москвы я постеснялась – меня пугали их машины, жены, шляпы и разговоры про лето в Ницце.

Когда стало ясно, что на территории загородного клуба из гостей я осталась одна и еще сторож, запиравший ворота за последней машиной, мне сделалось не по себе.

Я всерьез не знала, что дальше-то! Идти на шоссе и ждать автобуса? Какого? И где он останавливается? И сколько его ждать?.. И вечереет уже... всю.

Официанты убрали пластмассовые стулья, сворачивали шатры, гремели какой-то посудой, таскали мешки в маленькие запыленные грузовички с откинутыми бортами, торопились, всем хотелось домой.

Сторож тоже не пришел в особенный восторг, обнаружив меня на вверенной ему территории. Он только собрался всех выпроводить, выпустить собак, хорошенько поужинать и завалиться спать, а тут я!..

В общем, не придумав ничего лучшего, я позвонила Женьке и сказала: спасай.

«Ну, конечно, – ответил он. – Выезжаю. Ты там как-нибудь потерпи, пересиди где-нибудь. Я скоро буду. Часа через два...»

Все же «загородный клуб», где я жила красивой жизнью, от нас совсем неблизко.

Я пристроилась на каких-то досках, сложенных возле лодочного сарая, и стала смотреть на воду. Вскоре официанты со своим хозяйством убрались с территории, и сторож выпустил большую лохматую собаку, издав крик: «Она смирная!» Собака подбежала, понюхала мои кроссовки, попила из реки, потом несколько раз для порядка брехнула на буксир, тянувший по стремнине баржу, и унеслась по своим делам.

А я все сидела и начала подмерзать, и есть мне очень хотелось.

Потом пришел сторож, уселся рядом со мной и спросил, чего это я вместе со всеми не уехала. Я что-то ему соврала, не признаваться же, что меня забыли, но, по-моему, он догадался.

Некоторое время мы просто сидели, я косилась на него, потому что побаивалась, мало ли что! И все придвигала к себе рюкзачок и ощупывала, все ли там, в рюкзачке, в порядке! А потом сторож включил приемничек, который принес с собой.

Из приемничка негромко запел Максим Леонидов, и я как-то сразу приободрилась.

Песни Максима Леонидова – это что-то очень близкое, почти родное, сразу объединившее нас со сторожем. Ну не может быть совсем пропащим, или ничемным, или опасным человек, который любит слушать Леонидова!..

«Ему говорят, что окончен бой, – пел нам со сторожем приемник, и мы слушали, и река слушала, и лохматая собака прибежала, улеглась и тоже стала слушать, – и пора вести учет несбывшимся снам. Ему говорят, что пора домой, дома, по слухам, уже весна!»

Так мы сидели и слушали, и песен было много, нам хватило до самого приезда Женьки, который прибыл и стал колотить в ворота!

– Хотите? – спросил сторож, когда я полезла в нашу «Ниву», и, щелкнув крышкой, вынул кассету из приемничка. – Я себе еще запишу!..

Она до сих пор с нами, эта кассета, только уже теперь, конечно, не кассета, а диск. Мы давно перегнали все песни на диск и дописали новые, а некоторые, особенно любимые песни, записали еще и в телефоны – вот как технологии продвинулись!

С тех пор прошло не так чтоб уж очень много времени – лет восемь, наверное.

Без них обоих – нет, нет, без них троих! – Максима, Женьки и безымянного сторожа, я бы тогда совсем пропала.

И тут не так давно у Леонидова случился день рождения. Вообще говоря, день рождения у всех людей на свете случается каждый год, но есть особенные, именуемые юбилеями, хотя я не знаю ни одного человека, который любил бы свои юбилеи. Тем не менее их почему-то принято отмечать широко и с размахом.

Накануне юбилея я ему позвонила, Леонидову. Жизнь изменилась так, что я теперь могу взять и позвонить ему.

– Макс, – завопила я в телефон. – Как я счастлива, что ты родился! Я учу речь, чтоб как следует тебя поздравить!

– Устинова, – сказал он устало. – Знаю я твои поздравления. Тебя ведь не остановить, если ты речи начнешь произносить. Ты лучше просто приходи на концерт! Слушай и получай удовольствие, поняла?! И шут с ними, с проникновенными речами, особенно с твоими!

На тот концерт я не попала. Папа заболел, я металась, и никак мне было не вырваться, и я не слышала его и речей никаких не произносила.

...Талант – такая редкая штука. Редкая и удивительная. И необъяснимая.

Талантливые мальчики, которых хочется слушать, открыв рот, если они поют, читать запоем, если они пишут, кланяться им в ноги, если они делают сложные хирургические операции, – это подарок судьбы.

Это и есть «мое свиданье с Богом у огня», как придумал тот же Макс Леонидов.

Честно, я не знаю, что имел в виду Достоевский, который утверждал почему-то, что «красота спасет мир». Не понимаю. Мне кажется, что мир спасет талант. И гармония, которую он вносит в окружающий мир, делая его чуть лучше, спокойней и понятней.

Ничего плохого не может случиться, покуда есть река, а над рекой туман, теплые доски возле лодочного сарая, большая кудлатая собака, торчком поставившая ухо, и диск с песнями Максима Леонидова!

Я знаю, он не любит речей, а над моими вообще всегда потешается, но тем не менее скажу такую речь: Макс, я люблю тебя.

Ну, просто чтоб ты знал.

Марина Крамер Старьевщица

Нет, не об этом я мечтала, когда ехала в пятницу вечером на дачу. Не об этом... Да, безусловно, одинокой девушке за тридцать приятно неожиданно встретить мужчину своей мечты. Но не в виде тела между клубничных грядок. А этот именно там и лежал – темноволосый, в голубых джинсах, белых кроссовках и красной футболке-поло. Рядом валялась лопата – моя лопата, хранившаяся в сарае на улице, и что-то подсказывало мне, что неспроста она тут лежит, а именно с ее помощью несчастному мужику пробили череп. Я окинула место преступления пристальным взглядом, прикинула, что, кроме меня, тут пока никого не было, и вынула из сумки телефон. Нет, страшная находка не показалась мне чем-то из ряда вон, удивило только местоположение – ну, а кому понравится найти труп на собственной даче? В остальном же я не испытала ни страха, ни отвращения. Я патологоанатом, чего мне бояться...

Интересно, что ему нужно было на моем участке? Домик у меня крошечный, ничего ценного там нет. И – кто его так, за что? И вдруг тело между грядками зашевелилось и застонало, от чего я выронила мобильный и шарахнулась назад, ударившись спиной о парник. Вот тебе и патологоанатом... А тело пыталось перевернуться и стонало все громче, явно нуждаясь в медицинской и любой другой помощи. Здравомысляя, что после такого удара по голове человек вряд ли сможет причинить мне вред, я приблизилась, села на корточки и спросила:

– Вы кто?

– А? – простонал мужчина, пытаясь опереться на руки.

– Погодите, я помогу. Не двигайтесь так активно, у вас голова пробита, – я помогла ему перевернуться на спину, и он бессильно вытянулся, закрыв глаза.

Лицо мужчины было испачкано землей и кровью и выглядело довольно ужасно. Что же мне теперь делать с этой находкой? В «скорую» все равно звонить нужно, тут квалифицированная помощь необходима, ему бы в стационар поскорее. Но едва я подобрала мобильный, как мужчина с трудом разлепил веки и пробормотал:

– Не надо...

– Что – не надо?

– Звонить не надо... я прошу... не звоните... никуда...

Эта просьба совсем лишила его сил, и он снова замолчал, закрыв глаза. Что же мне делать? А если он умрет тут, на моих грядках? Я окажусь виновата – оставила человека в такой ситуации без помощи. Но он почему-то не хочет, чтобы я звонила.

Я поднялась, растерянно оглядела участок, бросила взгляд на соседский, отделенный от моего забором из сетки-рабицы, – там никого не было. Удивительно, мои соседи – пенсионеры, безвылазно живут на даче с мая, а сегодня, ты смотри, куда-то уехали. А мне нужно как-то перетащить свою странную находку в дом, не оставлять же его среди грядок.

Не придумав ничего лучше, я выкатила из сарая тачку, на которой обычно перевозила урожай до машины. Встал другой вопрос – а как я мужика на тачку-то погружу? Даже по самым скромным прикидкам весил он килограммов восемьдесят, а в неподвижном теле, как известно, тяжести прибавляется. Придется, похоже, вспомнить молодость и дни работы в реанимации, где приходилось в одиночку поворачивать еще не таких больных.

В спине что-то хрустнуло, когда я, собрав все силы, с трудом перевалила мужика с земли на тачку. Голова его свесилась, и он застонал, снова придя в себя:

– Куда... зачем...

– А можно молча лежать? – зло спросила я, обеими руками держась за болевшую спину. – В дом отвезу, не будешь же ты мне тут в клубнике скворцов распугивать!

– Вам же... тяжело... – вежливо посочувствовал он.

– Ой, замолчи!

Кое-как я дотолкала тачку до крыльца, и тут меня ждал еще один сюрприз – на двери не было навесного замка. Не знаю почему, но отсутствие замка и почти бездыханное мужское тело на тачке не связались у меня в одну цепочку.

– Могла ведь в прошлый раз сама забыть... – пробормотала я, осматривая совершенно целые петли.

Дверь запиралась на внутренний замок, но я по укоренившейся с самого детства традиции вешала еще и внешний. Так всегда делала мама.

Вынув связку ключей из сумки, я отперла дверь и немного успокоилась – никто не пытался влезть в мою избушку, никому в ней ничего не нужно. Дело даже не в том, что я хранила на даче бриллианты или золотые слитки, дело в памяти. Здесь все было так, как устроил это еще мой дедушка, собственноручно сколотивший этот небольшой домик из старых бревен и кусочков списанной с вагоноремонтного завода вагонной обшивки – с тиснеными узорами, напоминавшими мне причудливую вязь листьев. Гвоздей, тоже списанных и ржавых, в этой избушке было столько, что она, кажется, даже сгореть не могла бы. Я очень дорожила своим наследством и не хотела, чтобы кто-то вторгнулся в мой уютный, пусть и очень старый и ветхий, мирок. Я приезжала сюда каждую пятницу и оставалась до воскресенья, чтобы сменить обстановку, вдохнуть свежего воздуха и хоть ненадолго отвлечься от своей специфической работы.

– А у вас... уютно... – пробормотал незнакомец, когда я с трудом заволокла его в комнату и уложила на старую кровать с панцирной сеткой.

– Ты б хоть представился, – я открыла окно, выпуская в комнату струю свежего воздуха и лучи садившегося солнца.

– Да... неловко вышло... Меня Аркадием зовут. А вас?

– А я Люба.

– Любовь, значит... красиво... – Он снова закрыл глаза, а я подумала, что нужно найти аптечку и промыть рану на голове.

Когда я нашла все необходимое и подошла к кровати, Аркадий, взглянув мне в лицо, скривился:

– Это обязательно?

– У тебя на голове открытая рана, нужно хотя бы перекисью промыть, раз уж от квалифицированной помощи наотрез отказываешься. И повязку наложить. Повернуться можешь?

Аркадий со стоном перевернулся на бок. Рана выглядела хуже, чем я ожидала, и была довольно глубокой, проникающей. Нет, тут не обойдешься простым промыванием.

– Слушай, тебе все-таки в больницу надо, – осторожно прикладывая смоченный перекисью тампон к ране, проговорила я. – Заражение начнется.

– Мне нельзя в больницу.

– Это почему еще?

– Потому...

– Исчерпывающе. Но, увы, не аргумент – рану нужно как следует обрабатывать, швы наложить и прививки сделать. Так что, друг Аркадий, хочешь не хочешь, а поедем. У меня машина, поселок недалеко, к ночи уже вернемся.

Дав таким образом понять странному постояльцу, что спорить со мной смысла не имеет, я полезла в комод и нашла там футболку, оставленную моим бывшим. Коснувшись ее, сморщилась и прикусила губу. Расставание до сих пор вспоминалось как нечто болезненное, да, собственно, и расставания-то как такового не было. Даниил просто исчез в один из декабрьских дней, пропал, как будто его не было. Телефон не отвечал, с работы он уволился за месяц до этого, а адреса я не знала и найти дом по памяти в соседнем городке не смогла. До сих пор, натываясь в квартире на его вещи, я вздрагиваю, как от прикосновения к раскаленной плите.

Отгнав эти мысли, я протянула футболку Аркадию:

– Вот это нужно надеть, твоя совершенно испорчена.

– Вам придется мне помочь, не справлюсь, сил нет совсем... – Мне вдруг стало неловко за то, что я довольно бесцеремонно «тыкаю» ему, хотя Аркадий обращается ко мне на «вы».

– Ну, еще бы – такая кровопотеря. Конечно, я вам помогу. Но ваше поло придется разрезать, чтобы меньше повязку тревожить.

– Да и черт с ней... режьте, Любовь, не стесняйтесь.

– Сделаем так, – справившись с переодеванием, сказала я. – Я скажу, что вы мой брат, а документов при себе нет, потому что на даче отдыхаете, не прихватили. Меня в больнице знают, я им как-то труп помогала вскрыть.

На лице Аркадия отразилось что-то, похожее на страх:

– Труп?

– А что особенного? Я патологоанатом.

– Ужас какой... такая милая девушка...

– То есть если бы я была хирургом, это вас бы не удивило? А ведь принцип тот же.

– Но там-то живые люди, спасение жизни...

– А здесь возможность понять, что пошло не так и почему жизнь не была спасена. Для нас не существует богатых и бедных, для нас все равны. И вообще... почему я должна оправдываться за выбор профессии? Меня все устраивает.

– Я не хотел вас обидеть, – извиняющимся тоном произнес Аркадий.

– Я не обиделась. Давайте попробуем встать.

С трудом преодолев расстояние от домика до машины и буквально завалив Аркадия на заднее сиденье, я подумала, что хорошо бы ему горячего чаю с сахаром, это хоть немного поддержит силы. Термос я всегда возила с собой – тоже привычка, привитая в детстве дедом. Он никогда не отправлялся в дорогу, не прихватив старенький термос с наполовину стершимся рисунком желтых подсолнухов. Самое странное, что и пользовалась им же, рука не поднималась сменить на новый.

Выпив чаю, Аркадий немного оживился, хотя по-прежнему прерывисто дышал и был очень бледен. Я вела машину по трассе, боясь просмотреть поворот к поселку – предстояло проехать километров пять по лесной дороге и только потом снова оказаться на асфальте.

– Вы бы подремали, – бросив взгляд в зеркало заднего вида, предложила я.

Аркадий меня не услышал – голова его свесилась набок, и это меня испугало.

Надо поднажать, не хватало еще труп привезти...

Мне почему-то ни разу за все время, что я общалась с Аркадием, не пришло в голову спросить, как он вообще оказался на моем дачном участке. Он не мог просто проходить мимо – участки в нашем дачном товариществе огорожены. Он оказался там зачем-то и не один – кто-то ведь ударил его по голове лопатой. Моей, между прочим, лопатой... А как она могла попасть в руки к напавшему на Аркадия? Правильно, в том случае, если он взял ее из сарая. Я не удосужилась проверить замок там, но он явно сломан. Лопату взяли зачем-то, собирались что-то копать. Но что? Урожай собирать еще рано...

У двери приемного покоя больницы курил знакомый мне хирург Тимкин.

– О, Любовь Андреевна, какими судьбами к нам? – бросив окурочек в урну, спросил он, когда я вышла из машины.

– Да вот... брат у меня... головой ударился сильно... – произнеся это, я вдруг поняла, что совершенно не продумала обстоятельств, при которых мой так называемый брат получил травму. Удар головой – версия бредовая и не выдерживающая никакой критики, и Тимкин сразу поймет это, едва снимет повязку. Вот это я вляпалась...

– У меня, понимаете, на чердаке... там стропила обиты жостью... – понесла я, на ходу придумывая хоть мало-мальски правдоподобную историю. – И в одном месте, видно, лист отогнулся, вот он и...

– Ладно, посмотрим. Санитары! – крикнул Тимкин в приоткрытую дверь. – Каталку сюда.

Пребывавшего в полубессознательном состоянии Аркадия перегрузили на каталку и повезли в приемный покой, а я, заперев машину, пошла следом. Тимкин в пропускнике мыл руки, пока медсестра пыталась узнать у Аркадия хоть какие-то данные. Но об этом мы, к счастью, успели договориться, и я, подойдя к столу, сказала:

– Давайте я все продиктую, а то он совсем что-то... – Я назвала свою фамилию и отчество, оставив Аркадию только его собственное имя и на ходу придумав дату рождения.

– Ты смотри-ка... – присвистнул Тимкин, осматривая кое-как обработанную мной рану на голове Аркадия. – Как же он так глубоко рубанул?

– Наверное, попытался в полный рост встать, не рассчитал...

– И рана грязная такая... – продолжал бубнить Тимкин, совершенно не обращая внимания на мое присутствие. – Земля, что ли? Наташа, сыворотку противостолбнячную приготовь, – обратился он к медсестре, а я вдруг испытала желание оказаться как можно дальше от этого места. Я сама казалась себе отвратительной лгуньей, а главное, совершенно не понимала, зачем это делаю. Кто он мне, этот Аркадий, обнаружившийся между клубничных грядок?

– Ну что, Любовь Андреевна, госпитализирую я брата вашего, – всплыл в мое сознание голос Тимкина. – Рану сейчас обработаем и зашьем, но кровопотеря большая, неплохо бы немного восполнить. Недельку-полторы полежит, там видно будет, – я согласно кивнула. – А вы поезжайте к себе, смысла тут находиться я не вижу. Если что – номер телефона знаете, позвоните.

– Спасибо.

Я, даже не взглянув на Аркадия, вышла из пропускника и быстро направилась к выходу, словно боялась, что Тимкин остановит меня и задаст еще какие-то вопросы, на которые у меня не приготовлено ответов.

Ощущение осталось крайне неприятное. Мне никогда прежде не приходилось так глобально врать, а особенно – человеку, который мне доверял. Хотелось в душ, горячего чая и оказаться в теплой постели. Белье на которой теперь, кстати, придется еще менять – оно все в крови и земле. Устроила ты себе, Любана, выходные...

Добравшись до дачи, я загнала машину в гараж, заперла ворота, несколько раз проверив, насколько хорошо сделала это – у меня вдруг возникла какая-то параноя. В домике я, напротив, распахнула все окна, не опасаясь даже комаров, которые, конечно, не упустят случая набиться в помещение и отравить мне ночь и утро, но очень уж хотелось проветрить все внутри. Я содрала с кровати постельное белье и бросила на пол, туда, где валялась разрезанная футболка-поло Аркадия. Вот ее я точно должна в печку сунуть. Когда я подняла футболку, из нагрудного кармашка вдруг что-то выпало. Я присела – это оказался сложенный в мелкую гармошку листок. Развернув его, я увидела план своего участка и план домика, вычерченный с поразительной точностью, как будто делал его профессионал. Это совершенно сбило меня с толку – кому сдался мой участок и развалюшка на нем? Выходило, что этот «невинно» огретый лопатой Аркадий что-то искал, да мало того – имел четкий план. И наверняка знал, что ищет. А возможно, нашел и не поделил с кем-то, за что и получил благодарность в виде удара по голове. Вопросы «что искал», «что нашел» и «с кем не поделил» остались без ответов.

Записку я убрала зачем-то в кошелек, футболку сунула в печку, постельное белье, поколебавшись, унесла на веранду и там затолкала в пакет, чтобы увезти домой и выстирать, хотя очень хотелось его тоже сжечь вместе с футболкой.

Спать я легла поздно. Никогда прежде не боялась ночевать здесь, а сегодня вдруг стало так страшно, что хоть садись в машину и уезжай. Но ехать по темной пустой дороге было еще страшнее, так что я убедила себя остаться. Уеду завтра, черт с ними, с этими выходными, все равно уже испорчены.

Около пяти часов утра я вдруг проснулась, села на кровати и на всякий случай схватила топор, который с вечера положила рядом. Мне показалось, что по участку кто-то ходит. Меня сковал такой ужас, что я не могла пошевелиться, так и сидела, прижав к груди двумя руками топор. Что делать? Выйти и посмотреть? Страшно. Вызвать полицию? Нужно встать и взять телефон, который лежит на зарядке в противоположном углу комнаты, а ноги как ватные... А на участке совершенно точно кто-то был, мне казалось, я даже вижу сквозь задернутые плотные шторы, как по земле мечется луч фонарика. Как я всегда говорила людям, интересовавшимся, не боюсь ли я проводить свои дни среди трупов, «надо бояться живых». И вот сбылось – сижу и боюсь живых, обшаривающих мой участок. На крыльце послышались шаги, и я совсем одурела от ужаса – сейчас в дом кто-то войдет, и... Что «и», я додумать не успела, потому что в дверь постучали, и раздался голос Даниила:

– Люба! Любаша, я знаю, что ты здесь, видел машину в гараже. Открой, пожалуйста.

В этот момент я даже не поняла, какое чувство во мне сейчас сильнее – страх от пережитого или радость от того, что Даниил вернулся. Уронив на пол топор, я с трудом встала с кровати и, накинув шаль, пошла открывать.

В руках у вошедшего в дом Даниила действительно был фонарик, которым он осветил веранду и потом – кухню и комнату, словно искал что-то.

– Ты одна?

Он спросил это таким тоном, словно не пропадал на несколько месяцев, а просто вышел в магазин.

– На какой ответ ты рассчитываешь? – испытыв укол враждебности, спросила я.

– Мне бы не хотелось услышать, что в доме кто-то есть, – просто ответил он, выключив фонарь и притягивая меня к себе. – Прости меня, Любочка... я виноват, знаю... но так обстоятельства сложились...

– Обстоятельства? – Я вывернулась из его рук и отошла к стене, плотнее завернувшись в шаль. – Какие обстоятельства могли помешать тебе хотя бы позвонить?

– Я не хотел сделать тебе больно.

– Да?! А, по-твоему, мне не было больно, когда я неделями пыталась найти тебя? Я даже матери твоей позвонила!

– Да? – удивился Даниил, снимая ветровку и вешая ее на крючок. – Она ничего мне не сказала.

– Зато много сказала мне. Оказывается, я на тебя недостаточно давила. Нужно было брать тебя за хобот – не смейся, это она так сказала, – и тащить в ЗАГС. А знаешь, что в этом самое унижительное? То, что выглядит это все так, что у меня вообще нет шансов, если только я сама инициативу не проявлю! – Я выкрикнула это почти в полный голос и едва не заплакала, вспомнив то унижение, что испытала во время разговора с его матерью. Нет, она никак меня не оскорбила, напротив, сказала, что не одобряет поступок сына, но дала понять, что и моя вина в этом тоже есть.

– Люба... – Даниил снова шагнул ко мне и крепко обнял. – Ну, так вышло. Не сердись на маму, она ведь как лучше хотела...

– Она меня даже не знает! Она меня не видела никогда!

– Это мой косяк. Надо было вас познакомить.

– Теперь уже незачем.

– Но я ведь вернулся...

– И что? Я должна растаять и все простить? Забыть эти месяцы? Сделать вид, что ничего не было?

– Любочка, я обещаю, что все будет иначе...

Я очень хотела ему верить, потому что мое сердце снова рванулось к нему, забыв обиду, но что-то внутри все-таки предостерегало – не расслабляйся, Люба, здесь много непонятного. Посмотри, послушай... не доверяй сразу, пожалеешь. Моя интуиция, правда, не раз меня подводила, но почему бы для разнообразия ей не оказаться теперь на коне?

– А почему ты решил, что я на даче? Зачем приехал?

– Ну, а где тебе быть в выходные? Ты всегда сюда рвешься после рабочей недели, – улыбнулся Даниил и сдул с моего лба прядку волос.

– А почему ночью?

– Да какая ночь, ты что? Утро такое прекрасное...

Утро действительно было прекрасным – уже показались первые лучи солнца и стояла такая тишина, которая бывает за городом, когда воздух, кажется, зазвенит, если сделать движение. Я любила в это время суток сидеть на крыльце с чашкой кофе и смотреть, как просыпается наш дачный поселок. Даниил тоже об этом знал, потому пошел в кухню и включил чайник.

– А как ты добрался сюда? Электрички еще не ходят.

– Да ты что сегодня? – удивился Даниил, насыпая в заварной чайник белые иголки китайского чая. – Допрос устроила...

– Ты не на это рассчитывал, конечно, – усмехнулась я, забираясь на табуретку с ногами.

– Точно. Думал – ты обрадуешься.

– Я обрадовалась.

– Как-то не заметно, – добродушно усмехнулся Даниил и открыл дверки посудного шкафа-чука.

– Не понимаю, чего ты ожидал после того, что устроил. Цветов и красной ковровой дорожки? Я вообще удивляюсь себе – почему разговариваю с тобой, позволяю в доме моем хозяйничать.

– Потому что ты меня любишь, – просто сказал Даниил и сел напротив меня. – Любочка, я все понимаю – ты обижена, даже зла... я очень себя виню за все. Но в тот момент мне показалось, что так будет лучше. Я понял, что ничего не смогу тебе предложить, ты ведь знаешь – с работы уволился, новой так и не нашел... ну, не сидеть же мне у тебя на шее, правда?

– Мог бы спросить, что я об этом думаю.

– Это унижительно, Люба. А потом я начну просить у тебя деньги на пачку сигарет? Я мужчина, в конце концов. – Даниил слегка повысил голос, и я поморщилась:

– Не кричи. Ненавижу, когда по утрам кто-то голос повышает, весь день потом насмарку.

– Да, прости... Давай чаю попьем.

– Ты так и не сказал, с чего вдруг решил вернуться.

– Понял, что не могу без тебя.

– А честно?

– Люба... хватит уже. Ты недостаточно потешила самолюбие, задавая мне вопросы, как в полиции?

– А у меня больше нет оснований тебе верить, Даня.

– Имеешь право, – кивнул он, глядя в кружку. – Но я постараюсь сделать все, чтобы вернуть твое доверие. Вот увидишь.

Я уже не была твердо уверена, что хочу увидеть это. Да, в первый момент в моей душе что-то дрогнуло, но потом всколыхнулась старая обида, и я не знала, как теперь поступить. И что-то внутри так и не давало покоя.

Весь день Даниил не отходил от меня. Мы вместе пропололи грядки, обрезали отцветшие пионы, чтобы не смотрелись такими неаккуратными кочками, перетаскали всю траву в специальный ящик.

– А что это у тебя лопата в клубнике валяется? – спросил Даниил во время перекура.

Ох, черт, я и забыла про лопату... не до нее вчера было. Не знаю почему, но мне совершенно не хотелось рассказывать Даниилу о своем вчерашнем приключении и об оставленном в больнице Аркадии.

– Ну вот... а я думаю – куда подевала... хотела там осот подковырнуть, огромный такой...

– Так давай я выкопаю, – с готовностью предложил Даниил и шагнул в клубнику, подхватив лопату. – Где?

– Да я ж выкопала... а лопату, видно, забыла.

Мне показалось или он действительно внимательно осмотрел острие лопаты и вытер его рукой? Нет, показалось... совсем нервы расшатались.

Я очень боялась, что мне вдруг зачем-либо позвонит Тимкин, и тогда придется как-то выкручиваться, но он, к счастью, не позвонил. Мы поужинали, посидели на крыльце, пока совсем не стемнело, и пошли спать.

Ночью я проснулась от странных, звуков, доносившихся с чердака, протянула руку и обнаружила, что Даниила в постели нет. Не знаю почему, но мне это не понравилось. Я встала, нащарила в темноте шаль на спинке кровати и босиком пошла на веранду. Скорее всего, Данька вышел покурить, он всегда курил, сидя за столиком на веранде и немного отдернув занавеску. Но сегодня его там не было, а дверь оказалась не заперта, хотя я точно помнила, как поворачивала ключ в замке. Но для того чтобы попасть на чердак, не требовалось выходить на улицу, лестница наверх была здесь, на веранде – я хранила под крышей разный хлам, а осенью туда же затаскивала урожай лука и яблок.

Стук, осторожный, еле различимый, но все-таки стук раздавался сверху, ровно над тем местом, где я стояла сейчас. Что делать? Полезть на чердак? Но если там не Даниил? Я вся покрылась липким потом от ужаса. Где, черт его дери, Данька, когда он так нужен?! И тут я услышала его голос – приглушенный, едва слышный. Он с кем-то говорил по телефону там, на чердаке, и я почему-то вдруг совсем расслабилась. Слов Даниила разобрать было невозможно, но то, что это он, а не кто-то другой, меня успокоило. Вышел поболтать, чтобы не будить меня, забрался на чердак, но он и прежде любил там сидеть с книжкой или телефоном, говорил, что его успокаивает запах пыли и сухих яблок. Совершенно успокоившись, я вернулась в постель, а через полчаса пришел и Даниил, забрался под одеяло и, обняв меня, пробормотал:

– Б-р-р, замерз...

– Где был?

– О, а ты не спишь? – удивился он.

– Сплю.

– На чердаке сидел. – И я спокойно уснула, убедившись, что он меня не обманул.

– Любочка, а ты домой сегодня поедешь? – спросил Даниил после завтрака.

– Да, после обеда выдвинусь. А ты что, со мной не поедешь? – Я мыла посуду, повязав старенький, еще мамин, фартук.

– Хотел спросить – не возражаешь, если я тут недельку побуду?

– Что вдруг?

– Голову хочу прочистить, мысли в порядок привести, а здесь на неделе совсем тихо, нет никого. Я бы на чердаке порядок навел, выкинул ненужное, а?

– Нет уж! Жить – живи, а чердак не тронь.

Даниил рассмеялся, откинув назад голову:

– Ты все такая же старьевщица, Любочка. Никак не расстанешься с бараклом.

– Это для тебя барахло. А для меня – память. На чердаке ничего не трогай, – повторила я внушительно, и Даниил клятвенно заверил, что не тронет даже паутину в углах, чтобы, не дай бог, не потревожить пауков, которые могут быть мне знакомы.

Я уехала домой с ощущением тревоги и какой-то недосказанности. По дороге, проезжая поворот на поселок, вдруг решила заглянуть в больницу к Аркадию. Все-таки нехорошо бросать человека вот так, совсем одного. Может, нужно кому-то сообщить о том, где он.

В отделение меня пропустили без проблем – оказывается, Тимкин, сменяясь с дежурства, предупредил персонал. Аркадий лежал в трехместной палате, одна койка была свободна, а на второй дремал, свернувшись и положив на голову подушку, какой-то дедок – судя по висевшей на спинке кровати трости.

– Привет, – шепотом произнесла я, подходя к койке Аркадия.

Он удивился:

– Надо же... не думал, что мы еще увидимся.

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, уже гораздо лучше. Голова побаливает, но это понятно...

– Я заехала, чтобы узнать – может, нужно кому-то сообщить, что вы тут?

Аркадий сморщился:

– Не стоит. Не хотелось бы обременять вас еще сильнее, и так всю пятницу со мной провозились.

И тут я вспомнила о бумажке, которую нашла в кармане его футболки.

– Аркадий, а ведь вы не случайно оказались на моей даче, правда? – внимательно глядя ему в глаза, сказала я. – Только не врите, я знаю правду и могу ее доказать. Хочется понять – зачем?

Аркадий сперва смотрел на меня ошарашенно, словно вспоминал что-то, а потом отвел глаза:

– Ну... вы правы. План нашли? Я совсем про него забыл, да и немудрено, так по голове получил...

– План я нашла, но не поняла, что именно вы хотели найти на моем участке. Вас же двое было, да? Ведь кто-то вас по голове ударил? И лопату из сарая тоже вы взяли. Не будете утверждать, что хотели картошки накопать – в конце июня?

Аркадий отвернулся к стене и натянул на забинтованную голову одеяло. Ну, я подожду, мне особенно спешить некуда, решила я и придвинула ногой табуретку. Время шло, Аркадий сопел под одеялом, я терпеливо ждала.

– Пообещайте, что в полицию не пойдете, – раздалось глуховато из-под одеяла.

– Я могла обратиться в полицию и в пятницу, и в субботу, и даже сегодня с утра. Но я сижу здесь и пытаюсь понять, что произошло. Давайте перестанем устраивать тут ясельную группу.

– Ваша фамилия Новикова, так? – Аркадий вынырнул из своего убежища и, подтянувшись рукой за спинку кровати, сел.

– Откуда вы знаете? – ляпнула я и опомнилась: – А, ну да – вы ведь тут под моей фамилией лежите.

– В общем, на вашей даче много лет назад один человек спрятал кое-что, и я хотел бы это забрать.

– А кто ваш родственник и как он попал на мою дачу?

– Это неважно. Попал он туда совершенно случайно, а вещь эту ему нельзя было в тот момент при себе держать, ну, вот он и спрятал. А потом так сложилось, что забрать не смог. Недавно он умер, но успел мне рассказать, где спрятал. Я решил забрать, вот и все. Вы ведь понимаете, что не имеете права на то, что вам не принадлежит? Если нашли – отдайте сами, мне бы не хотелось... ну, вы понимаете, я вам теперь вроде как обязан...

– Стоп-стоп-стоп, погодите... – Я сжала пальцами переносицу, пытаюсь привести мысли в порядок. – Ничего вообще не поняла. Кто-то что-то где-то когда-то... что это вообще было? О чем речь?

– Небольшая коробочка. Деревянная. И в ней... – Аркадий поколебался минуту и махнул рукой: – А, что теперь-то... брошь в ней. Очень редкая и дорогая, еще дореволюционной работы. Бриллианты там – не чета нынешним. Словом, вы понимаете... Люба, я вас прошу – отдайте.

Я с опаской бросила взгляд на дедулю, лежавшего на соседней койке, – не слышит ли он нашу детективную историю.

– Не волнуйтесь, он глухой, вон и аппарат на тумбочке, – сказал Аркадий. – Без него вообще ничего не слышит, хоть из пушки стреляй. Люба, давайте договоримся, а? Я вам денег дам, хотите?

Я помотала головой. Денег я не хотела, мне вполне хватало того, что я зарабатывала. Мне нужно было только одно – как можно скорее избавиться от странной вещи, пылящейся где-то на моем дачном участке.

– Аркадий, я ничего не находила.

Его глаза вдруг стали злыми, и он зашипел, чуть подавшись вперед:

– Врете! Врете все! Нашли! А это не ваше!

– Ну, судя по всему, и не ваше тоже. А принадлежит оно тому, кто вам голову лопатой проломил.

– Какая разница! – снова прошипел Аркадий, и я поняла, что не ошиблась.

– Мне – никакой, вы правы. А вот человеку, которому принадлежит брошь, видимо, есть разница, раз он с помощью лопаты справедливость восстановить пытался.

– Да гнида он! – в сердцах бросил Аркадий. – Квартиру я снимал у его родственника... ну, того самого, что брошь эту спрятал на вашей даче. Старикан умер, а перед смертью мне рассказал. Ну, я поделился новостью с другом, а тот вдруг всполошился, стал расспрашивать – где, как... сказал, что место знает, предложил вместе поехать. А уже на даче повздорились, права он качать начал – мол, не твое, продадим – получишь двадцать процентов, и того слишком много. Нормально, да? Если бы не я – он вообще бы об этой броши ничего не знал...

У меня в голове закрутились нехорошие подозрения, но я никак не хотела верить в то, что сейчас происходит. Нет, это слишком жестоко...

– Скажите, Аркадий, а когда, вы говорите, умер этот ваш квартирный хозяин?

– Две недели назад.

– А жил где?

Аркадий назвал именно тот город, название которого я боялась услышать. Зажмурившись, я встала, схватилась за спинку кровати и, открыв глаза, произнесла:

– Поправляйтесь, Аркадий.

– Э-э, куда?! – в полный голос рявкнул он, когда я пошла из палаты. – Я тебя все равно найду!

– Я не прячусь, – бросила я и поскорее поспешила к выходу из отделения.

Сев в машину, я задумалась. И что мне теперь делать со всем этим? Какого черта я вообще поехала на дачу в эти выходные? Посидела бы дома, не умерла бы... А как теперь дальше жить, если никому нельзя верить? Совсем никому...

В местном отделении полиции меня встретил довольно пожилой капитан с седыми усами, очень похожий на актера, исполнявшего роль старика Хоттабыча в старом детском фильме. «Сейчас произнесет – трах-тибидох! – и все мои беды улетучатся», – грустно подумала я, понимая, что подобного, конечно, не произойдет.

Сев напротив, я сказала:

– Хотела бы заявить о находке. В моем дачном доме находится вещь, которая мне не принадлежит, зато представляет большую ценность.

У Хоттабыча взметнулись вверх седые клочкастые брови:

– Это как понимать?

– Как хотите. Мне нужно, чтобы со мной кто-то поехал и поискал, а я сдам это государству.

– Дамочка, а вам точно в больницу не надо?

– Я только что оттуда. Это не смешно. Я вас очень прошу... – и я сбивчиво рассказала все, что услышала в больнице от Аркадия, и то, до чего додумалась сама, пока ехала сюда.

Хоттабыч выслушал внимательно, подергал себя за седой ус, и я все ждала, что волосок сейчас выдернет, хотя настоящий старик дергал, кажется, бороду, а потом вздохнул:

– Это все, конечно, интересно, но сами подумайте, Любовь Андреевна, а как мы найдем эту брошь, если никто точно не знает, где она?

– У меня очень небольшой домик, думаю, вдвоем справимся.

«Тем более что и помощник там уже имеется», – добавила я про себя.

– Хорошо, – сдался капитан. – Время к вечеру, вроде спокойно все, я с вами сотрудника отправлю.

И через пятнадцать минут я уже возвращалась в дачный поселок, а рядом на сиденье недовольно хмурился старший лейтенант Виктор Смородин.

– Не понимаю, зачем мы едем, – бурчал он. – Впервые такое вижу – искать клад, чтобы государству сдать.

– Это не клад. А чужого мне не надо.

– Такое дежурство спокойное было... откуда вы взяли на мою голову, а?

– Слушайте, Виктор... вам самому не надоедает вот так нудить?

– А вы, похоже, не замужем.

– И что? Да, не замужем.

– И, кажется, не будете, если характер не поменяете.

Я обиженно умолкла. Смородин, кажется, понял, что ляпнул бестактность, и смущенно пробормотал:

– Извините, я не хотел вас обидеть.

Даниила на даче не оказалось, и я насторожилась – он ведь говорил, что поживет здесь. Мог, конечно, в магазин уйти, а он на другом конце поселка. В доме все было в порядке, и кровать заправлена, и посуда перемыта. Смородин внимательно огляделся:

– Здесь кто-то живет?

– Нет.

– А вот обманывать нехорошо, – уличил он, прикладывая ладонь к чайнику. – Вы уехали с дачи в два часа – так вы сказали в отделении, а чайник совсем недавно кипятился, горячий еще.

– А, это... вы спросили – живет ли кто, но здесь никто постоянно не живет, а сейчас тут мой молодой человек.

– И где же он?

– Наверное, в магазин пошел.

– А вы чего же в город?

– Мне на работу завтра.

– А ему?

– А он временно не работает.

Смородин хмыкнул:

– А говорили, что не замужем.

– Не замужем. Может, мы все-таки приступим? Давайте с чердака начнем.

Сморозин пожал плечами и вышел на веранду:

– Лестница – на чердак?

– Да. Только вы аккуратнее, там пыльно.

Забравшись под крышу, Смородин присвистнул:

– А говорите – пыльно...

Я поднялась следом и остолбенела. Все на чердаке было перевернуто вверх дном, по всему полу раскатились яблоки, из двух сундуков было вывернуто содержимое, даже старые альбомы с фотографиями валялись тут и там, беспомощно раскинув страницы, как мертвые крылья.

– Думаю, ваш молодой человек тоже что-то знал.

– Разумеется. Он потому и вернулся, – машинально проговорила я, не веря своим глазам. Мне было не жаль того, что Даниил, возможно, нашел брошь и теперь шагает с ней в неизвестном направлении. Мне было жаль себя и одновременно противно оттого, что снова оказалась дурой, поверила ему и разрешила здесь остаться. Он не старые вещи на чердаке разворошил, он снова перевернул все в моей душе, натоптал и ушел, доказав еще раз, что любить меня не за что, а вот использовать – всегда пожалуйста.

У Смородина зазвонил мобильный, он отошел в дальний угол и ответил. Я не прислушивалась к разговору, сидела беспомощно на старом стуле и тупо смотрела перед собой. Я – действительно старьевщица, которая хватается за воспоминания и ради этих воспоминаний позволяет плевать себе в душу. Надо было выгнать Даньку еще тогда, ночью, и сейчас я не чувствовала бы себя настолько униженной и использованной. Он пришел сюда не ради меня. Он пришел потому, что Аркадий рассказал ему об этой броши. А брошь эту его дядя, проводивший половину жизни в местах заключения, явно когда-то украл и спрятал на черный день. И так уж вышло, что сделал он это на моей даче, будь она неладна...

– Посмотрите, что мне сейчас начальник прислал, – вывел меня из раздумий Смородин и сунул в руки свой мобильный.

На экране я увидела изумительной красоты брошь в виде тонкой ветки с листьями, на каждом из которых был укреплен прозрачный камень – как будто капли росы.

– Это она? – спросила я, возвращая телефон.

– Да. В розыске давным-давно, украдена из частной коллекции. Единственный экземпляр, бриллианты высокой чистоты, ручная работа.

– Но ведь ее даже продать невозможно, раз она в розыске.

– Ну если частному лицу... знаете ведь, сколько развелось людей с дурными деньгами, они могут любую сумму выложить – вещь-то коллекционная. А теперь давайте-ка вашим молодым человеком вплотную займемся.

Этим я заниматься совершенно не хотела, не было сил. Как не было сил признать, что я непроходимая дура, доверчивая старьевщица, которую обманули и опять бросили. Ведь любому понятно, что больше я никогда не услышу голоса Даниила и уж тем более не увижу его.

Сообщив Смородину все, что знала, я попросила разрешения уехать.

– Я не могу больше тут находиться, – сказала я жалобно. – Я вообще сюда больше не смогу приезжать.

– Ну, это вы зря. Домик у вас очень уютный.

– Вам нравится? Дарю.

Смородин покачал головой:

– Вы, Любовь Андреевна, удивительно слаонервная и импульсивная для человека вашей профессии. Сейчас поезжайте домой, отдохните, а через недельку возвращайтесь. Вот увидите – все покажется неважным. А дом – он же память, как я понял. Нельзя памятью раскидываться.

Но если в гости пригласите – я приеду с удовольствием, – сказал он и чуть покраснел. – И если номер телефона дадите – тоже буду рад.

Даниила задержали через три дня при попытке продать брошь. Дальнейшая судьба и броши, и самого Даниила меня совершенно не интересовали. Его мать звонила мне несколько раз, просила приехать, но я в конце концов решила и внесла ее номер в черный список, где ранее оказался и номер ее сына.

На дачу я снова приехала только в конце июля и первое, что сделала, перебрала хлам на чердаке, выбросив все, что не имело никакой ценности. Виктор Смородин звонил мне несколько раз, мы разговаривали на какие-то отвлеченные темы, а однажды он напрямую спросил о том, когда же я появлюсь на даче. И я, не раздумывая, пригласила его в гости. Мы сидели на веранде, пили чай со свежим клубничным вареньем и изумительными булочками, которые Виктор привез, сказав, что они от его мамы.

– Она очень удивилась, когда я сказал, что у меня свидание, – признался он. – Так-то некогда, работаю много, в отделе некомплект, приходится сутки через двое, тут уж не до романов...

– А ты сказал, что собираешься на свидание со старьевщицей? – спросила я, улыбаясь.

– Сказал! – захохотал Виктор. – И мама настоятельно просила, чтобы я и ее с тобой познакомил. Она очень любит старые фотографии.

И мне вдруг стало так легко на душе, словно вместе с частью хлама я выбросила что-то, мешавшее мне жить и дышать. И можно было даже начать строить планы – почему бы и нет. Тем более что Виктор, похоже, тоже был не против.

Мы пили чай, ели булочки с вареньем, над круглым столом мягко светил абажур, отбрасывая кружевные тени по сторонам и создавая какой-то почти старинный уют и покой. Кончался июль, а у меня, похоже, начиналась новая жизнь.

Анна и Сергей Литвиновы

Лягушка

Летняя сказка

Зеркало в ванной – лучшая вещь в квартире. Волшебное оно, что ли? Или просто света здесь мало? Поглядишься в него – и душа аж поет. Чем не царевна? Глаза – огромные, взгляд – надменный, волосы – роскошные. Только дворца не хватает.

Марина улыбнулась своему отражению. Хорошо быть красивой! И вообще – все у нее хорошо. И друг, Костик, – классный, и работа – шикарная, а уж отпуск в такую жару – еще лучше, весь отдел обзавидовался! И у Костика тоже отпуск, и они вместе поедут на море! Или – в горы, или... решим, решим! Как хорошо, когда солнце плавит асфальт, а ты сидишь себе в прохладной квартире и выбираешь, куда поехать отдыхать. На Мальдивы, конечно, не хватит, но есть Турция, с чистым и теплым морем, с кебабом и обжигающим кофе. Есть Египет – разноцветные рыбки, акваланги, пахлава и свежавыжатый сок на завтрак. А Испания – паэлья, сангрия, фламенко? А Италия – настоящая пицца и лучшие в мире шмотки! И совсем скоро столичная бледность сменится загаром, а слегка располневшие бедра похудеют в морских волнах, и Костик, она знала, начнет злиться, когда в ее сторону станут поглядывать восхищенные иностранцы.

– Костик, ну давай поскорей выбирать, куда едем! – приставала она.

А Костик, зануда, все размышляет. Он все время такой: сначала раз сто отмерит. Посомневается. Все просчитает...

Знакомый психолог сказал Марине, чтоб она на Костю не злилась: «Закон компенсации, милочка. Ты – шептунья, он – спокойный. У тебя в голове – ветер, у него – компьютер. Терпи, лапочка, с твоим характером тебе такой друг и нужен. Ты – гоночный болид, а он – твой ограничитель скорости».

Сначала Марина покорно ждала. Подсовывала Костяну рекламные проспекты. Расхваливала скромную простоту Европы и экзотику Азии. Но тот упорно темнил. Заводил странные разговоры о «поддержке отечественного производителя». Выступал с монологами об «экономичном планировании бюджета». Расхваливал «первозданные красоты российской природы».

Марина расстроилась и насторожилась: «Неужели куда в глушь позовет? К деревенской родне?! Или, того хуже, в поход на байдарках?!»

Байдарки Марина ненавидела лютой ненавистью. «Раз так – поеду сама. И подцеплю симпатичного мулата», – мрачно решила она.

Но в пятницу, в последний рабочий день, Костик улыбался столь широко и счастливо, что у Марины на душе потеплело. Лукошко с привозной, синтетической клубникой, вино, свежкупленные махровые полотенца... И триумфальный взмах самолетными билетами:

– Мы едем в поселок моего детства! В Абрикосовку!

– Куда-куда? – встрепенулась Марина.

– На Черное море!

– В Турцию?

– Нет, на наше Черное море, на Кавказ! Я туда в школе на каникулы ездил! Знаешь, как там шикарно!

* * *

Поселок Абрикосовка прятался меж невысоких лесистых гор. Из аэропорта долго ехали перевалами, дорога то карабкалась вверх, то, извиваясь, ухала вниз. Водила, нанятый в аэропорту Краснодар, форсил пред столичными гостями. Ревел движком, визжал тормозами, пылил по обочине, обгоняя справа тихоходные фуры. Костя упорно и безуспешно просил шофера «слегка сбавить газ». Марина жадно вдыхала озоновый запах гор и далекого моря.

– Кость, а водные мотоциклы там будут? – кричала она сквозь рев мотора.

Костя сиял, обещал ей и мотоциклы, и парашюты, и «акулу» – пластмассовую колбасу, на которой можно кататься, прицепившись к мощной моторке.

– А ресторанчики? А массаж? А теннис? – не отставала Марина.

– Все, все, милая, будет!

И Костя закрывал ей рот поцелуем, и рука его ласково ползла по Марининой коленке, и водила тактично прекращал посматривать на них в зеркальце...

Абрикосовка встретила ярким закатным солнцем и запахом перезрелой клубники. Марина увидела смешной, маленький рынок, прилавки, заваленные клубничными горами, отдыхающих с перемазанными ягодой лицами...

– Клубнику! – выкрикнула она.

– Будет! – радостно откликнулся Костя.

– Сейчас!

– Своя клубника будет! Прямо с грядки!

Машина пронеслась по центральной улице, свернула в переулок, потом – в следующий, забираясь все выше и выше.

– А где же море? – удивилась Марина.

– Море близко! Здесь все близко! Вот здесь, пожалуйста, остановите...

Марина, обалдевшая от дороги, от самолета и горных перевалов, выпрыгнула из машины. Водитель заглушил мотор, в уши ударила восхитительная, немосковская тишина – только далекий петух возвещал о наступлении вечера. Костя расплачивался, Марина жадно разглядывала окрестности. Какие милые домики! И навесы, все увитые виноградом! И шезлонги в уютных дворах, пред цветочными клумбами... Им навстречу уже спешила хозяйка, целовала Костю, причитала, каким он стал взрослым, любопытно разглядывала Марину... Отвела их в отдельный домик. Маленький, квадратный, он стоял на пригорке, полускрытый инжировыми деревьями. Со стола улыбались коротконогие южные розы, в открытые окна бился теплый морской сквозняк.

– Распакуемся? – предложил Костя.

– Нет, на море!

– Так одежда помнется же!

– Уже помялась! Купаться! Купаться!

Костя хотел возразить. Но взглянул ей в лицо и безропотно полез в чемодан за плавками-полотенцами.

– Пирог! Специально пекла! – запротестовала хозяйка, когда они вышли из домика.

– Антонина Матвеевна, милая, мы не голодные, мы купаться, велосипед мой цел? – зачастил Костя.

Женщина улыбнулась. Прикрыла пирог полотенцем. Вдохнула:

– Цела, целая твоя развалина. Бери вон, в сарае. А Марина пусть на моем едет.

И они понеслись сквозь южный вечер, мимо белых пятен домов, по всяческому мостику через обмелевшую речку, по старинному парку, где терпко пахло эвкалиптами... Море ждало их, нежно шелестело теплой водой. Они сдали велосипеды милой пляжной сторожихе, и бро-

сились в пену несильных волн, и поплыли наперегонки, и Марина выкрикнула, задыхаясь от скорости и терпкого запаха йода:

– Костик! Ты просто супер!

* * *

Марине было двадцать три, Костику – столько же. Но людям сторонним казалось, что ей – лет шестнадцать, а ему – ближе к тридцати. Марина – бесшабашный матрос. Плышет по жизни нахально, без карты и курса, спотыкается о рифы, дрейфует на опасных льдинах. Экзамен? Спешу. Работа? Найду по объявлению. Даже в отпуск и то ушла внезапно. Просто потому, что очень захотелось. Костику такого разгильдяйства не понять. Он совсем не такой, он капитан, у него все серьезно, с компасом и секстантом. Марина любила Костика, но иногда так на него злилась! Случайно достаются билеты на моднейшую премьеру, а Костик не может, у него в расписании курсы английского. «Да плюнь ты на них! Подумаешь, разик пропустишь! Нагнишишь потом!» – горячится Марина. А Костик хмурится, молчит – и идет-таки на свои скучные курсы. Или направляются они в пиццерию, там рекламная акция, салат-бар плюс пиво почти бесплатно. Весело, музыка, пиво хмелит, вкусная еда радует, Костя сыплет комплиментами. Официантка приносит карту десертов, а там – чудо-мороженое, с орехами, шоколадом, черносливинами. Разве удержишься? Костя, конечно, платит за ледяное чудо. Но злится:

– Мариночка, солнце, ну пойми! Мне не жалко этих шести долларов! Но дома я тебе такое же мороженое за полдоллара сделаю!

Ну что с ним поделаешь, с этим Костей... Ведь действительно – вроде не жадный. Просто зануда.

В Абрикосовке Костик изо всех сил старался вести себя идеально. Но занудство все равно иногда побеждало. Берут они, например, водный велосипед, и норд-ост уносит их чуть не в Турцию. Весело? Весело! А Костик ворчит, что обгорели и заплатили в итоге за целых пять часов проката. Или вот парашют, с которым можно болтаться за моторкой. Классно же! А Костя – давай причитать:

– Мариночка! Опасно! Парашют – подозрительный, лодочник, кажется, пьяный...

Но все-таки Костя старался, он изо всех сил старался. Они посещали местные ресторанчики с сомнительного вида шашлыками, пили кофе по-восточному, играли в теннис в самое дорогое, предвечернее время. Костя ей даже кукурузу на пляже покупал – по десять рублей за кочан, хотя на грядке у их квартирной хозяйки имелись сотни абсолютно бесплатных початков.

Антонина Матвеевна их баловала. Закармливала пирогами и тонкими, как пергамент, блинчиками. Варила вкуснейшие супы из собственных овощей. Украшала свежесобранную клубнику шапочкой взбитых сливок. Костя в обмен чинил ей чайники-утюги-розетки, и даже лентяйка Марина слегка приобщилась к хозяйству, нашла свою прелесть в поливании огорода: настоящий бег с препятствиями. Дотянуться до баклажанчиков, скрывшихся в дальнем углу... Балансируя на носочках, миновать россыпь клубничин...

Настоящие споры-ссоры начались только через неделю. Миляге Антонине Матвеевне пришлось срочно уехать в Краснодар к заболевшей внучке, и в первое же самостоятельное утро Костик потребовал каши.

– Каши? – удивилась Марина. – Зачем?! Есть же клубника, и булки мы вчера на пляже купили...

– Не хочу булок, – закапризничал Костя. – Тебе что, сложно кашу сварить?

Марине было несложно. Знать бы только, как это делается... Кажется, в молоко нужно сыпать манку... В общем, каши не получилось. В графу «убытки» попали: литр молока, два стакана крупы и новенькая кастрюлька. Костя сначала ворчал, потом смеялся. А вечером они снова поссорились. У Костика оторвалась пуговка на любимых шортах, а неумеха Марина при-

шила ее так, что пуговица снова отвалилась и безвозвратно затерялась где-то в винограднике, где они занимались любовью.

– Неужели тебя мама таким элементарным вещам не учила? – искренне недоумевал Костя.

Из-за пуговицы он расстроился, она какая-то особая была, с чьим-то там гербом.

– Если ты такой умный, сам и пришивай! – огрызалась Марина.

– Но это женское дело, – возражал он. – Мои сестры и готовить умеют, и шьют, и вяжут...

– Зато сидят в школьных училках, – парировала Марина. – А у меня – университетский диплом, карьера, зарплата, перспективы.

– Ну, а если дети пойдут? – возражал рассудительный Костя. – Как же ты им будешь кашу варить?

Марина пока не задумывалась о детях. Будут дети – будем и думать. А сейчас ей просто хотелось вдоволь напиться свободы, моря, танцев, легкого грузинского вина. Костя же портит ей все настроение своими занудными разговорами. «Вот они, издержки Абрикосовки, – грустно думала Марина. – Поехали б в Турцию – и никакой каши варить не пришлось бы. А пуговицу любая горничная за доллар бы пришила...»

Но, к счастью, Костя, раздобревший от отдыха, недолго кручинился о своей эксклюзивной пуговке. Марину простил, шорты заколол булавкой, и они отправились в самый модный абрикосовский ресторан – в устье реки, под могучими тополями. Захватили самый лучший угловой столик, ели баклажанчики с орехами, запивали их терпким домашним вином, танцевали под фальшивое, но искреннее пение местного оркестра: «Как уп-пой-ии-тельны в России вечера...» Марина прижималась к крепкому Костиному плечу, и чувствовала его сильные руки на своей талии, и думала нежно: «Ах ты, зануда... Но зато с тобой так надежно...» На Абрикосовку наваливалась ночь, разыгрался ветер. Тревожно шумели тополя, вдалеке сердилось-шумело море. Марина и Костя, веселые и чуть-чуть пьяные, шли пешком домой, навстречу теплому, буйному норд-осту, и абрикосовские собаки радостно лаяли им вслед... Брести от ресторанчика до дому оказалось далеко, они шли почти час. Уставшие, не стали даже пить чай, быстро поцеловались на ночь, плюхнулись по кроватям и провалились в сладкий отпускной сон. Ветер трепал занавески, шелестел брошенной на стуле одеждой и играл их волосами...

* * *

Лягушка проснулась поздним вечером. Спала она всегда в зарослях винограда, днями здесь темно и прохладно. Только тут и можно жить, когда такая жара кругом! А сейчас, когда закатилось солнце и воет-волнуется ветер, пора выходить на прогулку! Лягушка полупала глазками, потянула лапки. Прыг – и она уже в цветнике. Прыг – попала на теплый после жаркого дня бордюр. А это еще что за тряпки развеваются на ветру? А за ними – черный, теплый квадрат... Прыг-прыг, ее подхватывает кто-то сильный, ничего себе, какие порывы ветра, и она уже падает на что-то мягкое, жаркое. Прыг, прыг...

– Ой, мама, мама! – раздается громкий, отчаянный визг.

– Марина! Что? Что?!! – вскакивает с постели Костя.

– Ай! Кто это! Костя! Костя!!!

Он спотыкается о брошенный у кровати шлепок, врывается в стул... дотягивается наконец до выключателя. Смеется.

– Марин, успокойся... Это лягушка! Всего-навсего лягушка! В окно, наверно, запрыгнула.

– Лягушка?!

Она с ужасом смотрит на темно-зеленый бугорок в его ладонях. Лягушка сидит смирно, мерцает глазами-бусинками, шевелит перепончатыми лапками.

– Фу, гадость какая! – с отвращением говорит Марина.

И эта дрянь прыгала по ее щеке!

– Почему гадость? – не соглашается Костя. – Смотри, какая она хорошенькая...

Марину передернуло. И снова она подумала: «Зачем, зачем я поехала в эту глупую Абрикосовку! Каши, пуговики, теперь того пуще – по дому лягушки прыгают!» И Костя, кажется, считает, что это в порядке вещей! Поглаживает гостью по спинке, приговаривает:

– Испугалась, малышка, бедная...

Просто смотреть противно!

Он подходит ближе к Марине:

– Ну что ты боишься? Смотри, какая она аккуратненькая... Хочешь – потрогай.

– Убери ее! – взвизгивает Марина. Нервы от этого Костика уже на пределе! – Сам своих лягушек трогай! Или целуйся с ними!!!

Костя спокойно отвечает:

– А что? Вот возьму и поцелую.

К ужасу Марины, он наклоняется и чмокает лягушатину в холодный болотный нос.

– Фу, не могу смотреть!

Марина в ужасе отступает, прыгает на кровать, вжимается носом в стену. И вдруг слышит мягкий, хорошо поставленный женский голос:

– Приветствую тебя, повелитель...

Она приподнимается. Что за наваждение?! Входная дверь распахнута, и на пороге стоит девушка, в дурацком кокошнике и с дурацкой косой. Ее платье стелется по полу, глаза опущены долу, но, надо признать, девка чудо как хороша. Костыка на нее во все глаза уставился.

– А ну, пшла вон отсюда, – выпаливает Марина.

Ну и дурацкий же сон ей снится! Но гостя на нее – ноль внимания. Подгребают к Костыке (бедами, зараза, так и трясет!), преклоняет пред ним колени. Ее коса – густая, дрянь! – волочится по полу.

– Что вам угодно, мой повелитель?

Марина хочет вскочить с кровати, но у нее не получается, ее к ней будто приклеили. А Костик меж тем принимает девахиных поцелуй и вежливо спрашивает:

– Девушка, вам кого?

– Как кого? Вас, – хлопает бесстыжими зенками она. – Я теперь ваша собственность.

Современное, не сказочное слово «собственность» режет Марине ухо. Она презрительно говорит:

– Под царевну-лягушку косишь, шалава?!

Девка по-прежнему на нее фунт презрения. Пялится на Костика, как на бога, приговаривает мягким речитативом:

– Господину угодно массаж? Или ванну с розовым маслом? Может быть, ужин, чай? –

Она понижает голос и интимно добавляет: – Или желаете – меня?..

А Костыка, гад, пялится ей на сиськи и благостно внимает!

– Так, а ну пошли вон отсюда! Оба! – рявкает Марина.

Девушка слушается. Она встает с колен, протягивает Косте холеную белую руку... Он, млея, подхватывает ее под локоток... Стукнула дверь. Ушли... За окном по-прежнему бесится ветер. Марина щиплет себя за ладонь: проснись, проснись скорее! Но не выходит. Все остается по-прежнему: и свет в комнате, и пустая Костина кровать, и даже его забытые пляжные шлепки... И тогда Марина оборачивается к стене и начинает горько плакать.

* * *

Проснулась Марина поздно. Ни следа вчерашнего шторма. В окна ломится солнце, нахально чирикают воробьи.

– Костыка... Кость... – говорит она, не раскрывая глаз. – А какой мне дурацкий сон снился...

Ответа нет. Марина подскакивает на кровати. Постель Кости пуста, и его одинокий шлепок из вчерашнего сна застыл на том же самом месте. А в комнате до сих пор горит электрический свет.

– Что за чушь... – бормочет Марина.

Торопливо накидывает халат, бросается во двор... Костик босиком колдует над электрической плиткой, бьет в сковородку яйца. Она бежит к нему, не разбирая дороги, топчa хозяйкины цветы. Обнимает, утыкается носом в крепкое плечо:

– Костик, милый! Ты тут!

Он удивленно откликается:

– А где же мне быть?

Отстраняется, солит свою яичницу, предлагает:

– Ты завтракать будешь?

Марина радостно, чуть не плача, шепчет:

– Буду, конечно, буду! Ты только подожди, я сейчас тебе кофе сварю. А хочешь, гренок пожарю? С молоком, сахаром, знаешь, какие вкусные?!

– Чего это с тобой? – не понимает он.

Яичница на сковородке подгорает и разъяренно шипит.

– Уйди, уйди, Костян. Я дожарю, – торопливо говорит Марина.

– Да ты не умеешь! – улыбается Костя.

– Умею! – решительно отвечает она. И твердым шепотом добавляет: – А не умею – так научусь.

* * *

Освоить яичницу, гренки и кашу оказалось совсем несложно. И даже забавно. Кухонная наука – это вам не скучное шитье, здесь и пофантазировать можно, и эксперименты поставить. В конце концов, и царевны должны уметь готовить! Добавляешь в яичницу болгарский перчик, помидорчики, кинзу – вот тебе и испанский колорит, Костик аж урчит от восторга. А как кардинально улучшаются гренки, если посыпать их домашним овечьим сыром! Марина даже сметанник собственноручно испекла, хотя Костя пугал, что выпечка – это высшая стадия кулинарного искусства. Но у Марины пирог с первого раза вышел что надо: и взошел, и пропекся, и не подгорел.

Костик долго не верил в сказочное превращение Марины-лентяйки в Марину-хозяйку. Смотрел на нее подозрительно, ждал подвоха. Но, как и все мужики, к хорошему вскоре привык. И когда Марина, подвязанная кокетливым фартучком, плюхала перед ним блюдо с аппетитными гренками и подносила кофе, его плечи расправлялись от важности...

Отпуск продолжался. Днями пропадали на пляже, вечерами – по дискотекам и ресторанчикам. Марина изменилась и в светской жизни. Костя только глазами хлопал, когда вместо безапелляционного «купи два «Бочкарева» она ласково спрашивала:

– Костюш, я б «Бочкарева» выпила... А ты какое пиво хочешь?

Или:

– Ой, из «Титаника» песня... Может быть, потанцуем?

- Что с тобой стало, Маришка? – недоумевал Костя. – Ты такая мягкая стала, ласковая...
- Тебе не нравится? – кокетливо улыбалась она.
- Что ты! Тебе это очень идет...

Он подозрительно взглядывал на ее довольное, разглаженное лицо и добавлял:

- Может... ты того, залетела?

Она хохотала:

- Не дождешься!

И добавляла тихо:

- А может быть, и дождешься. Через годик-другой...

Костя кивал:

- Согласен. Через два года нам по двадцать пять будет. Самое время для первенца.

«Вечно ты со своими планами-графиками», – раздраженно думала Марина. Но молчала.

Она больше не станет его подкалывать, не станет с ним спорить. Потому что дурацкий, явственный, остро-правдивый сон про царевну-лягушку никак не идет из головы...

В последний день отпуска они проторчали на пляже с двенадцати до пяти, в самое жаркое время. Марина пряталась от солнца то в море, то под зонтиком, а Костя, решивший увезти с юга эксклюзивный загар, отчаянно обгорел. О прощальном походе в ресторан пришлось забыть. Костя еле добрал до дома и рухнул в постель. Марина мазала его кефиром и прикладывала ко лбу прохладное полотенце. Но все равно у Кости поднялась температура, кожа запылала красными пятнами, он лежал грустный и тихонько постанывал. Марина напоила его чаем со льдом, сунула таблеточку аспирина... И решила: домашние средства здесь не помогут. Косте нужен крем от солнечных ожогов. И она его достанет. Чего бы это ей ни стоило.

В ближнем к дому сельпо о подобных кремах даже не слыхивали. Но одна из покупательниц вошла в положение, напрягла извилины и отправила Марину в центр поселка, к рынку: там, кажется, целый лоток со всякими кремами есть.

Марина бодро прошествовала через Абрикосовку и без труда отыскала на рыночной площади палатку, украшенную крупной вывеской: «ОЖОГАМ ОТ СОЛНЦА – БОЙ!» Отлично, цивилизация, оказывается, докатилась и до Абрикосовки. И французские кремы есть, и польские, и даже эмульсия нового поколения, где-то она про нее читала, что ожоги заживают в момент.

- Мне «Эвелину», и «Амбр Солер», и...

Она подняла глаза на продавщицу и ойкнула.

За лотком стояла царевна-лягушка! Только уже без кокошника и без роскошной косы. Обычные, выжженные югом патлы и довольно-таки толстоватые ноги, обтянутые мини-юбочкой. И громадные сиськи, так и лезут наружу из-под грошовой маечки. Вот уродина!

Девушки смотрели друг на друга. Марина – ошарашенно, «лягушка» – смущенно.

- Ты... ты...

- Здравствуйте, Марина, – пролепетала продавщица.

Марина, все еще охваченная суеверным ужасом, прошептала:

- Ты кто?

- Я – Костина подруга, – опустила глаза «лягушка».

- В каком это смысле?!

- С детства. Мы играли вместе...

- И что? – наступала Марина.

- Давно не виделись. И вот он приехал. И мы встретились. Случайно. На улице.

- И?!

– Кофе попили. В кафе. Он меня пригласил. Вспоминали, как мы в детстве в театр играли. Он и попросил меня... – «Лягушка»-продавщица осеклась, опустила глаза. Прошептала:

тала: – Попросил... Разыграть вас... – А потом вдруг закричала: – У нас с ним ничего не было! Мы вас просто разыграли, и все!..

– Спасибо за представление, – ледяным тоном произнесла Марина. И резко отвернулась.

Эх, дура я, дура! Стараюсь! Готовлю! Ластюсь! Думала, высшие силы мне предупреждение послали – чтоб любила Костика, берегла, ценила! А вместо сна-вещуна – провинциальная комедия! Но как все срежиссировали хорошо, черти! И я, идиотка, поверила! Ну нет, я вам этого так не оставлю!

Марина властно сказала:

– «Эвелину» мне дай, «Амбр Солер» и эмульсию. Да не суетись ты – не эту! Вон, синяя упаковка...

«Лягушка» послушно и суетливо побросала тубики в пакет.

– Вот ваши крема... – прошептала она. – Извините, Марина, пожалуйста... Мы же хотели как лучше...

– Кому – лучше?! – выкрикнула Марина.

Отвернулась от горе-царевны и двинулась прочь с рынка.

Устроить Косте скандал – немедленно? Или чуть подождать? До выздоровления?

* * *

То ли чудо-эмульсия, то ли ласковые Маринины руки быстро подняли Костика на ноги. В полночь, когда южная луна засияла в полную силу, они уже сидели в гамаке в зарослях винограда. Вдыхали теплые запахи, слушали сверчков, следили за светлячками. Вдалеке по-прежнему шумело море, но шумело уже не для них, завтра с утра они улетают.

– Сказка... Настоящая сказка... – бормотал Костя. Обнимал ее, целовал, гладил.

Марина отдавалась его сильным объятиям. Мысли метались: «Предатель. Но как целуется! Зануда. Иван-дурак хренов. Местечковый шутник...»

– О чем ты думаешь, милая?

– Да так... просто считаю звезды.

«Сказка. Костик придумал для себя сказку. Что ж, завязка у сказки вышла. Только чем она закончится?»

Марина тоже обнимала Костика, и прятала лицо на его сильной груди, и шептала:

– Какой ты красивый и сильный...

И слова ее были правдой. А мысли все равно летят вскачь.

«Это было даже забавно – готовить гренки, пришивать пуговицы. Любопытно хоть раз в году побыть послушной царевной-лягушкой, золушкой-рабыней. Но в Москве он от меня этих глупостей не дождет! Да и вообще – останусь ли я с ним в Москве? Зануда. Хлюпик. Хотя нет, в Абрикосовке он возмужал, раскрылся... И даже почти не нудит. Так что в итоге вышло, что всем хорошо? А что? Я готовку и шитье освоила, а Костик со своим занудством вроде покончил. Прямо хоть новый раздел семейной психотерапии основывай – *сказкотерапию*».

– Ты меня любишь, Маришка? – между тем требует Костя.

И Марина, не колеблясь, отвечает:

– Здесь, в Абрикосовке, – люблю.

Она решила: тут, в приморском поселке, сказка закончится, как и положено в сказке, хеппи-эндом. А вот что будет в Москве? Посмотрим.

Может, там водятся другие сказочные персонажи? Ну, например, Гарун аль-Рашид. Или – Кот в сапогах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.